

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.964.2: 616.851

ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА РЕПАРАЦИИ ХОРОШЕГО ВНУТРЕННЕГО ОБЪЕКТА В ПСИХОТЕРАПИИ

Маричева Анастасия Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры глубинной психологии и психотерапии Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

E-mail: tnu_anastasiya@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется сущность процесса репарации хорошего внутреннего объекта и его связь с целями и эффективностью психотерапевтического процесса. Эксплицируются семиотические особенности симптомообразования у субъекта и приводится лингвистическая структура невротического симптома. Представляется взаимосвязь между процессами репарации, сублимации и процессом бессознательного семиозиса, которые поддерживаются способностью субъекта к символическому образу, репрезентирующуюся металогичностью его дискурса. Предлагается техника амплификации дискурса анализанта, стимулирующая его репарационный процесс и представляющая собой повышение металогичности производимого дискурса неиспользуемыми ранее лингвистическими тропами и лингвистическими конструкциями без изменения сути артикулируемого материала. Репрезентируемые положения иллюстрируются примерами психотерапевтической практики и объективными статистическими данными, полученными в результате исследовательской работы.

Ключевые слова. Психоанализ, психосемиотика, психотерапия, симптом, дискурс.

Annotation. The article analyzes the essence of the process of repair of a good internal object and its connection with the goals and effectiveness of the psychotherapeutic process. Semiotics of symptom formation in the subject are explicated and the linguistic structure of the neurotic symptom is given. The relationship between the processes of reparation, sublimation and the process of unconscious semiosis is represented by the metaphorical nature of his discourse and supported by the subject's ability to symbolize. The technique of amplifying the discourse of the analysand stimulating its reparation process is proposed. It is an increase in the meta-logicality of the produced discourse by previously unused linguistic paths and linguistic constructions without changing the essence of the articulated material. Represented positions are illustrated by examples of psychotherapeutic practice and objective statistical data obtained as a result of research work.

Keywords. Psychoanalysis, psychosemiotics, psychotherapy, symptom, discourse.

Введение. Современное состояние психологической науки требует поиска новых подходов к сохранению психологического здоровья и благополучия человека. На сегодняшний момент созданы многочисленные теории и основанные на них практики диагностики возможных нарушений

функционирование психического аппарата и связанной с этим процессом феноменологии патологической симптоматики. Ритм и темп современной жизни, стимулируемые активным развитием технологий, в том числе и коммуникационно-информационных, диктует необходимость совершенствования психологического инструментария, позволяющего существенно сокращать время диагностики при сохранении ее качества, а также модернизировать способы оказания психологической помощи с учетом семиотических основ человеческого бытия.

На этом основании **целью** данной работы является экспликация психосемиотических аспектов процесса репарации хорошего внутреннего объекта в терапии.

Степень изученности темы: Процессами репарации внутренних объектов психической реальности субъекта в рамках теории объектных отношений занимались У. Бион, Х. Сигал, Дж. Рикман, А. Стоукас. Проблема сублимации рассматривалась частично в работах таких исследователей, как Ю. Кристева, З. Фрейд, О. Фенихель. Процессом бессознательного семиозиса в рамках психоаналитического и лингвистического подходов, а также способностью субъекта к символообразованию в зависимости от уровня тяжести психопатологии, включающей невротических, пограничный и психотический урны занимался Ж. Лакан. Однако, не наличествует исследований в которых прослеживалась бы взаимосвязь между вышеозначенными феноменами.

Изложение основного материала статьи. Объектом психосемиотики как отрасли психологической науки является семиозис, обладающий универсальным характером и пронизывающий все сферы жизнедеятельности человека. С точки зрения Г.А. Гловой [2], семиотические аспекты функционирования психического аппарата используются для реализации процедур психосемиотического подхода в анализе развития человека как субъекта собственной жизненной ситуации и в психологической диагностике, что позволяет проанализировать с психосемиотической точки зрения психоанализ, психодинамические практики и другие направления психотерапевтической работы. Основные идеи конструктивизма, деконструктивизма, структурализма и постструктурализма были ассимилированы психологической наукой о бессознательном функционировании субъекта и, с тех пор, как это произошло, он окончательно лишился своей сугубо биологической природы – и его телесность, и вся феноменология человеческого бытия стала рассматриваться через эту призму как специфически организованный текст, его соматические проявления и характерная для субъекта симптоматика стали выступать как средство художественного выражения, придающее тексту иллюзию авторства и индивидуальности. Функционирование субъекта как культурного образования создает необходимость исследовать закономерности бессознательных механизмов, связанных как с культурной природой человеческого существа, так и с его функционированием как

носителя и пользователя языковых средств самовыражения и репрезентации внутреннего опыта. Таким образом, неоспоримой актуальностью обладает исследование взаимосвязи использования субъектом языковых средств артикуляции своего внутреннего опыта и особенностей функционирования бессознательных механизмов, опираясь на которые можно более качественно прогнозировать результаты оказания помощи и управлять ходом психотерапевтического процесса в рамках психодинамических форм психотерапевтической практики.

По определению Р. Хиншелвуда, внутренние объекты – это репрезентанты потребностей, удовлетворенных с разной степенью благополучия; хороший внутренний объект, являясь частичным объектом данным анализанту в бессознательной фантазии, сновидении либо фантазме, обладает особой значимостью, поскольку надежная его интроекция создает основу стабильности Эго [6, с. 320], т.к. он является его сердцевинной.

М.Кляйн акцентировала внимание на том факте, что частичные внутренние объекты практически никогда не совпадают с реально существующими, являясь отражением их отдельных свойств и качеств, мнимых основополагающими в прогнозе гарантированного удовлетворения потребностей, а разочарование субъекта, неспособного повторить первокатексис во всей его полноте к удовлетворившему его объекту, на стадии параноидно-шизоидной позиции переживается как появление «плохого» и «преследующего» внешнего объекта при его отсутствии, в то время, как на стадии депрессивной позиции, как раз разочарование во внешнем реальном объекте способно инициировать переживание утраты хорошего внутреннего объекта, сопровождаемое скорбью, виной и стимулирует целый комплекс мероприятий по его репарации, т.е. восстановлению.

Согласно М.Кляйн разочарование субъекта, неспособного повторить первый катексис во всей его полноте к удовлетворившему его объекту, на стадии параноидно-шизоидной позиции переживается как появление «плохого» и «преследующего» внешнего объекта при его отсутствии, в то время, как на стадии депрессивной позиции, как раз разочарование во внешнем реальном объекте способно инициировать переживание утраты хорошего внутреннего объекта, сопровождаемое скорбью, виной и стимулирует целый комплекс мероприятий по его репарации.

Собственно, стояние внутренней стабильности относительно меняющихся внешних условий удовлетворения потребностей субъекта и является целью эффективного психотерапевтического вмешательства в рамках теории объектных отношений. Однако М.Кляйн не проводила особых различий между терминами «Эго», «самость» и «субъект», а ее представление о обретении им состояния стабильности в ее исследованиях и работах ее последователей несколько раз претерпели изменения от представлений о том, что эта стабильность обретается путем проекции

собственных агрессивных тенденций на внешний объект, затем путем интроекции образа хорошего внешнего объекта во внутреннюю структуру самости и, наконец, путем расщепления внутренних объектов на «плохие» и «хорошие» и основания на этом расщеплении способности к выделению различий и аналитическому суждению о реальности. Особенность психоаналитической техники здесь заключается в способности аналитика предоставлять глубокие интерпретации, соответствующие уровню тревоги анализанта с тем, чтобы ее нивелировать, что невозможно без помощи терапевта репарационному процессу по восстановлению хорошего внутреннего объекта, а затем - формированию синтетической структуры целостного объекта.

В то же время, развивающаяся параллельно ее представлениям эго-психология как теория адаптации субъекта к меняющимся внешним условиям удовлетворения потребностей, оперировала преимущественно категорией Эго, рассматриваемой как суммы защитных механизмов и способов сопротивления изменениям вследствие поступления информации о том, что привычная среда его функционирования обрела новые качества, не учитываемые опытом субъекта. В любом случае, разнообразие механизмов психологической защиты позволяет снижать излишнее напряжение в психическом аппарате, переживаемое в форме тревоги. Недоразвитость или компенсаторная гиперфункция защитного механизма не справляется с задачей снижения напряжения и, к тому же, позволяет фиксировать ярко проявляющуюся закономерность в протекании мыслительных, эмоциональных и поведенческих актах, что лежит в основе психоаналитической диагностики при определении нами типа личностной организации и специфики психологических проблем и трудностей, типичных для субъекта. Адекватное функционирование всего спектра психологических защит приводит к поддержанию оптимального для жизнедеятельности уровня напряжения в психическом аппарате субъекта, а работа самих механизмов – не заметна. Эго – стабильно, тревога не нарушает активность субъекта, а выступает в виде необходимого запаса напряжения, обеспечивающего адаптационную активность. С точки зрения О. Фенихеля, этот процесс является процессом сублимации, он подчеркивает: «Успешные виды защиты можно поместить под заглавием «сублимация». Это понятие не означает специфический защитный механизм» [4, с.187]. Особенность психоаналитической техники здесь заключается в способности аналитика распознать неадекватно функционирующий защитный механизм, выявить причину его дисфункции и вернуть субъекту контроль над его реализацией.

Несмотря на искусственную механистическую противоречивость обоих подходов предпринимались довольно успешные попытки их синтеза на основе изучения нарциссических аспектов бессознательной динамики при невротических и пограничных нарушениях психического функционирования, например, комбинированный подход М. Малер,

Х. Кохута и др., но нам не известны попытки рассмотреть процессы репарации и сублимации как полюсы одного динамического процесса бессознательного семиозиса, что позволило бы значительно обогатить терапевтическую технику и повысить ее эффективность. Наиболее близко, с нашей точки зрения, к этому вопросу подошла Х. Сигал, опиравшаяся на представления М.Кляйн, что «символы – это первичное средство Эго в выражении (внутреннем и внешнем) бессознательной фантазийной деятельности...экстернализация которой в символической игре и персонификациях обусловлена потребностью дистанцировать внутренние состояния преследования. Таким образом, символы и заместители – защитная стратегия, а анализ процесса символизации – это анализ защит» [Цит. по 6, с.379]. Развитие, в данном контексте, описывается как развитие способности существовать в мире символов не сводимому к миру реальных физических объектов, причем, способность переходить к новым замещающим объектам-символам с одной стороны стимулируется тревогой, а с другой является признаком развития и свидетельством нормативного функционирования психического аппарата. Р. Хиншелвудом отмечается, что «Кляйн первой поняла, что затруднение шизофреников при формировании и использовании символов заключается в торможении процесса символообразования» [6, с. 381], а развившая в дальнейшем это представление Х. Сигал, обогатившая терминологическую базу теории объектных отношений категорией «символического равенства», описала процесс развития, как процесс в котором «по мере того, как всемогущие идентификации уменьшаются в интенсивности с продвижением к депрессивной позиции к признанию целостности объекта, объекты переживаются как обладающие собственными качествами и признаются обозначаемыми какой-то другой объект с вполне отличными свойствами и признаками. Переход от символических равенств к символической репрезентации происходит с наступлением депрессивной позиции и возрастающим пониманием различия между внутренним и внешним мирами» [6, с. 381]. Процесс символизации, сопровождающий вышеописанный цикл «созревания восприятия целостного хорошего внутреннего объекта», осуществляется путем создания неконкретного металолического значения, задающего избыточность языка по отношению к требующему артикуляции внутреннему опыту субъекта. Эта избыточность и «неконкретность» значений поддерживается специфическими формами организации дискурса, внимание на которых акцентировал Ж. Лакан, считающий, что «бессознательное не имеет ничего общего ни с врожденным, ни с инстинктивным, а самое элементарное в нем — это элементы означающего...бессознательное – это речь Другого... [3, с. 81]. В этом контексте, сутью процесса сублимации является создание условий, при которых внутренний опыт объективируется в реально осязаемых предметах, таких как – результаты профессиональной деятельности, произведения искусства, создание культурных нормативов и т.д. и невозможен без

опосредования языком. А внутренний опыт не может быть артикулирован без условия избыточности означающего по отношению к означаемому, которая делает возможной метафоричность дискурса. Процесс репарации, как череда психологических актов воссоздания целостного хорошего внутреннего объекта, противоположен сублимации по вектору направленности, но опосредуется опорой на внешний, созданный в сублимационной активности объект, состоящий из части внутреннего опыта субъекта, результата артикуляции этого опыта посредством языка, с последующим интроецированием результата сублимации и использованием его как модели-эталона для воссоздания целостности хорошего внутреннего объекта.

Другими словами, человек структурирует хаос внутреннего опыта или создает недостающие объекты внутреннего опыта для поддержания его целостности и непротиворечивости с опорой на внешние объекты культуры в процессе семиозиса, используя символы-ритуалы в поведении, символы-образы в чувственной ткани восприятия и фантазии, символы-метафоры и иные металогические лингвистические формации дискурса в когнитивных процессах. Ж. Лакан подчеркивает: «...вот почему исчерпанность механизмов защиты, которую Фенихель, скажем, будучи врачом-практиком, в своих разработках по технике анализа так хорошо дает нам почувствовать... оказывается на деле, хотя он об этом не говорит, да и сам не отдает в этом отчета, своего рода изнанкой механизмов бессознательного. Названия фигур стиля: перифраза, гипербола, эллипс, ирония; и тропов: литота и т.д. — вот термины для обозначения этих механизмов самые подходящие. И разве можно рассматривать эти фигуры в качестве простого способа выражения, если именно они являются активным началом того дискурса, который мы слышим из уст пациента»? [3, с.77-78] И отсылает исследователя к технике анализа бессознательных проявлений – «назад к Фрейдю». Вместе с работами «Психопатология обыденной жизни» (1901) и «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), работа «Толкование сновидений» (1900) образует своего рода базис, иллюстрирующий проявления механизмов бессознательного [5], где мы находим:

1. сгущение,
2. смещение,
3. регрессивную изобразительность, заменяющую абстрактное понятие конкретным образом, приуменьшая или преувеличивая отдельные качества образа,
4. использование общекультурных символов, для отсылки к отдельным аспектам их прочтения и,
5. вторичную обработку, как восполнение смысловых лакун достраиванием логическими конструкциями в процессе рассказа о сновидении, поддерживающее непрерывность самого рассказа, и, наконец,
6. парадоксальное место сновидения, сопротивляющееся любым интерпретациям в связи с содержанием противоположно направленных

смыслов, которое З. Фрейд сравнивал с так называемым «слепым пятном» зрительного аппарата, или «пупом» сновидения.

Также, им отмечается эффект удовольствия, который может быть интерпретирован как внешнее отреагирование от «непреднамеренного» вскрытия особого смысла от оговорок при словотворчестве, которое акцентирует связь между бессознательным и эффектом «остроумия» или шутки.

Можно сказать, что Ж. Лакан, рассмотрел (в том числе и с позиции психосемиотики) два первых механизма, найдя их эквивалентность с лингвистическими тропами и феноменами бессознательного функционирования: сгущение – метафора – симптом и смещение – метонимия – желание. Как он постулировал их родственность? – по аналогии выполняемой ими функции. Мы решили рискнуть и пойти немного дальше в указанном им направлении «еще раз назад», от З. Фрейда – к Аристотелю, которому, как мы знаем, принадлежит не только типология ассоциативных связей между образами в процессе мышления (по сходству, смежности и контрасту), но и типология особых приемов речевого воздействия на слушающего при передаче сообщения, представленных в работах «Риторика» и «Поэтика» [1]. Это позволяет исследовать задействованную в репарационном процессе поэтику и риторiku бессознательного, рассмотрев оговорки, лингвистические окказиональности, мотивационные нарушения речевых намерений как риторические и стилистические приемы и фигуры речи, что отражено на рисунке 1.

Механизмы работы бессознательного (согласно З. Фрейду) versus риторические и стилистические приемы и тропы:

1. метафора (сгущение смысла на основе сочетания понятий из чуждых семантических областей) – золотое сердце; мягкая реакция; время тает
2. метонимия (смещение смысла указанием на рядом стоящее значение в одной семантической области) - сейчас такое платье мимо прошло; кормить с рук; работать спустя рукава
- 3.1. аллегория и олицетворение (регрессивная изобразительность, заменяющая абстрактное понятие конкретным образом; приписывание свойств живого явлениям или абстрактным понятиям) – пригрел змею на сердце, камень за пазухой; вот пришла мысль и пропала; безразличие меня убивает
- 3.2. гипербола (преувеличение качества/значимости объекта/явления)– катастрофически; дурь вселенского масштаба; все знают, что это плохо; никто меня не понимает
- 3.3. литота (приуменьшение качества/значимости объекта/явления)- сотрудники; соседушка; не так уж и нужно
4. цитирование (использование отдельных аспектов общекультурных символов)– прямо нехристь какая-то; она без царя в голове; а что я докажу один в поле?; а я что? я по воде ходить не умею
5. перифраз (восполнение смысловых лагун отсылкой к определяющим качествам объекта, не называя сам объект)– транспортное средство; брачный союз; бальзаковский возраст
6. оксюморон (парадоксальное сочетание противоположных качеств объекта) – да-нет; жутко приятно; страшно красиво; рассеянное внимание; его молчание о многом говорит, вам цены нет (очень дорого, не купить/очень дешево, не продать); обжигающий холод и др.

Поэтика бессознательного: оговорки, лингвистические окказиональности, мотивационные нарушения речевых намерений versus фигуры речи:

парономазия – игра близкими по звуковому облику словами : «мы одинаково одиноки»
антанакласа – повторение одного слова в измененном значении : «жизнь бьет ключом родниковой воды, причем бьет по голове»
аллитерация и ассонанс – фонетическая игра звуков или букв: «это наше общее д(т)ело»
инверсия – нарушение синтаксически правильного расположения слов в предложении для выделения эмоционально важного: «верность в ней больше всего ценил я»
апокопа – усечение слова, примитивизация: «комп, универ, препод, ухажер»
синерезис – сокращение числа слогов «материяльчик для газетнки, сидит серьял смотрит»
протеза и парагога – добавление букв в начало или конец слова: «вечная дуравниловка, наш сосед – велосипедаст»
синкопа – изъятие букв из середины слова: «заумчивое выражение лица, новый реактор научного журнала»
метатеза – перестановка букв либо слогов: «лгасность, рвач, подогрели-обобрали (подобрали-обогрели), нервоз»

Рис. 1. Риторика и поэтика в работе бессознательных психических процессов

Как мы можем видеть, что только заранее оговоренный факт намеренности подобного «злоупотребления языком» позволяет отличить оговорку от, например, парагоги (велосипедаст вместо велосипедист), или синкопы (нас всех обедняет дружба – вместо «объединяет дружба»), или метатезы (рвач вместо врач).

Пример. Когда семилетний ребенок, желая казаться взрослым, имитирует способность ругаться так, как это принято у родителей, используя слово «гадский», и говорит в запале возмущения «этот детский гадушка запрещает макать клубнику в сахарницу» - мы считаем это умилительной оговоркой, а не метатезой (детский гадушка вместо гадский дедушка) и фонетической аллитерацией (дедский фонетически звучит как детский), с литотой (гадушка – это гад, только уменьшено-обесцененный, не страшный и очень даже родной). У взрослых свои взрослые гадости и гады, значит и у него, у ребенка, должен быть свой детский «гадушка». Трудно заподозрить семилетнего в намеренности употребления подобных речевых средств художественной выразительности, собственно, как и наших взрослых анализантов.

Такие исследователи проблемы языка и субъекта, как Ю. Кристева, опиравшаяся на положения Х. Сигал и предложившая концепцию «семанализа» (семиотического психоанализа), или Н.Ф. Калина, являющаяся представителем лингвистического направления в отечественной традиции психотерапии, считают, что психическая активность субъекта взаимно детерминирована лингвистическими характеристиками и способностью к структурированию и использованию речи. Продолжая работу в этом направлении мы установили эквивалентность механизмов психологической защиты и металолических речевых конструкций по выполняемой ими функции, результат этого сопоставления вы видите на рисунке 2.

Опыт терапевтической практики позволяет утверждать, что определенному типу психопатологии соответствует своя особая типичная стилистика организации дискурса. Это не новость в связи уже с существующими исследованиями характера и стиля дискурса, например, В.П. Белянина и В.П. Руднева или попытками применить психолингвистические методы для выявления бессознательных структур, например, А.В. Россохина, Е.А. Соколовой и др., но к сожалению, до сих пор не было выделено объективное основание подобной типизации, лежащее вне категориального аппарата психоанализа или сложных психолингвистических построений, которые (с разной степенью успешности) поддаются критике как обладающие очевидной валидностью, а потому - субъективные. Чтобы избежать этой субъективности мы решили попробовать зафиксировать в качестве единицы анализа дискурса анализанта категорию лингвистического тропа, которую можно обнаружить объективно в дискурсе или тексте и, вместе с тем, ввести положение об эквивалентности работы лингвистического тропа в дискурсе – работе

механизма психологической защиты как бессознательного механизма функционирования Эго, с одной стороны, и как бессознательного механизма, задействованного в процессе артикуляции и репрезентации внутреннего опыта и репарации хорошего внутреннего объекта – с другой стороны. На этом основании мы предлагаем использовать понятие «спектр металогичности дискурса» субъекта, как показателя успешности репарационного процесса и технику амплификации металогичности дискурса субъекта в психотерапии, заключающуюся в выявлении наиболее часто используемых субъектом лингвистических конструкций, созданных с участием конкретных лингвистических тропов, эквивалентных типологически характерным для него психологическим защитным механизмам. Это позволяет очертить спектр тех тропов, которые субъект практически не использует, и производить психотерапевтические вербальные интервенции, оформляя требуемое смысловое содержание, предлагаемое анализантом, в соответствующую лингвистическую форму тропа, который является эквивалентом бессознательного механизма психологической защиты, работу которого необходимо стимулировать.

Параноидная/депрессивная структура	Обсессивная/инфантильно-гипертимная структура	Истероидная/маниакально-депрессивная (циклоидная) структура
защита троп	защита троп	защита троп
Отрицание Метафора	Смещение Метонимия	Противофобическая Оксюморон реакция
Аутистический уход Пауза	Отреагирование Эмоционально экспрессивные частицы, апокопа	Реверсия Активный/пассивный залог
Проекция Олицетворение	Идеализация Гипербола	Поворот против себя Ирония
Интроекция Сравнение	Обесценивание Литота	Реактивное образование Сатира
Проективная Олицетворение + идентификация сравнение	Аннулирование Анафора и эпифора	Сексуализация Оксюморон+гипербола Всемогущий контроль Оксюморон+литота
защита троп	защита троп	защита троп
Вытеснение Эллипсис	Изоляция Перифраз	Изоляция Перифраз
Регрессия Аллегория	Компартментализация	Сосуществование противоположной тематики высказывания
защита троп	защита троп	защита троп
Интеллектуализация Метафора + перифраз	Рационализация Метонимия + перифраз	Морализация Цитирование
	Диссоциация Метафора + оксюморон	

Рис.2. Эквивалентность механизмов психологической защиты и металогических речевых конструкций по выполняемой ими функции

В процессе психотерапевтического взаимодействия можно отслеживать места включения механизмов психологической защиты по производимому им эффекту, который совпадает с эффектом функционирования в речи лингвистических тропов или металогических конструкций, употребляемых анализантом автоматически и непроизвольно.

Далее, представлены два примера аналитической работы, демонстрирующие психосемиотические аспекты репарации хорошего внутреннего объекта в психотерапии у двух субъектов с обсессивно-компульсивным типом личностной организации на уровнях патологии при неврозе и при пограничном состоянии.

Пример 1 (уровень невроза). Анализант (опытный бизнес-тренер, медик):

- Я провалила переговоры вхлам (метафора/отрицание). Ну как провалила (сравнение/интроекция) ... (пауза/аут уход) ... я ушла от них, сказав, что я все посчитаю и вернусь ... (пауза/аут уход) ... с вариантом в понедельник, но я вышла просто в хламе (литота/обесценивание + метафора/отрицание) и они это поняли. Они поняли, что пережали, и они пытались меня как-то реанимировать, но у меня там было действительно ощущение психоза (гипербола/идеализация + аллегория/проекция). Я пришла продавать программу ... (пауза/аут уход) ... серьезная программа (аллегория/проекция) ... (пауза/аут уход) ... меня слушали, «открыв рот и с придыханием» (цитирование/морализация). Сидят взрослые женщина и мужчина, хозяйка (перифраз/изоляция). И начало переговоров (пассивный залог/реверсия): «Эля, вы действительно считаете, что столько стоите?» И понеслось (пассивный залог/реверсия). Сначала я держалась, говорю: «Давайте, я вам расскажу, что я придумала», и рассказала им. Они были захвате (суржик/ регрессия). А потом пошла гонка с ценой (метафора/отрицание).

Потом вечером, когда я уже прорыдалась и включила мозг (метафора/отрицание), я поняла, что я как ребенок (сравнение/интроекция) дала детскую реакцию (аллегория/проекция), слава богу мне хватило сил не разрыдаться там, а просто выйти и порыдать на улице, потому что меня «папа» не оценил и «мама» пожалела (ирония/поворот против себя). Я знаю, что они согласятся на сумму большую и их надо додавить, но у меня нет сил идти в понедельник их додавливать. Я им сказала: «я собираюсь продаться вам в рабство (метафора/отрицание) – извольте оценить» (эллипсис/вытеснение), а ощущение, что собираются забрать паспорт и бить по вечерам ногами (метафора/отрицание). Мне нужно, чтоб, когда меня обесценивали, я не валилась вхлам (метафора/отрицание). Эта ситуация у меня – постоянно (эллипсис/вытеснение).

Комментарий к кейзу. Мы отслеживаем тематику с учетом использованных в речи лингвистических тропов и находим связанный с тематикой защитный механизм. Предварительно произведенный анализ с учетом психосемиотических аспектов процесса репарации позволяет сформулировать несколько рабочих гипотез:

1. Анализант идеализирует ситуацию переговоров, сильно преувеличивая ее значимость, и защищается от оппонентов обесцениванием, снижением значимости их реакций на анализанта.

2. При этом собственное обесценивание в качестве «ощущения» проецируется на оппонентов и уже вторично травмирует анализанта.

3. Последний пытается привычно для себя справиться с ощущением обесценивания своей значимости при помощи отрицания и аутистического ухода.

4. Естественная реакция оппонентов на закрытую позицию в переговорах со стороны анализанта воспринимается как «взрослая», но морализаторская, в рамках работы защитного механизма морализации, вследствие чего при помощи изоляции анализант может собраться с мыслями и занять активную позицию в переговорах при помощи реверсии, которая сменяется регрессией к детскому состоянию обиды, повороту агрессии против себя и отрицанием искусственности созданной проблемы.

5. При этом позитивный итог, что переговоры продолжатся в понедельник – обесценивается. Также, отрицается собственная ценность, результаты деятельности или их нужность – «хлам».

Как было выяснено при проверке рабочих гипотез, анализант, обладая обсессивными чертами, навязчиво переживает в регулярно повторяющихся ситуациях ситуацию, в которой финансово обеспеченные и помогающие ей родители обесценивают ее брак, относясь к нему как к финансовой программе или бизнес-проекту, который не приносит той материальной выгоды, которую им хотелось бы видеть. Сама анализант регулярно находит работу, приносящую ей большую оплату, чем существующий заработок супруга, а затем отказывается от нее сама, обесценивая результаты своей деятельности. Таким образом, сознательно понимая патологичность ситуации, она получает ряд вторичных выгод, бессознательно поддерживающих невротическую симптоматику:

1) Избегает тревоги, связанной с необходимостью делать выбор между эмоциональной привязанностью к родителям или супругу;

2) Идеализируя ситуации собеседований, стимулирует свою активность по поиску постоянной кратковременной подработки, что позволяет сохранить и желаемый уровень достатка, и статус супруга в глазах родителей, не имея постоянного места работы и не зарабатывая больше, чем он;

3) Постоянно повторяет ситуацию переноса в социальной жизни и тем самым воздерживается от прямого конфликта с родителями или супругом.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что употребляемый анализантом набор защитных механизмов, приводящий к перманентному повторению травматичной ситуации, имитирует работу естественного для обсессивно-компульсивного типа личностной организации защитного механизма аннулирования, который у анализанта не функционирует должным образом.

Пример 2 (символическое уравнивание при пограничном состоянии). Анализант, молодая женщина с обсессивно-компульсивными и

нарциссическими чертами в типе личностной организации описывает психологическое затруднение при поиске работы по специальности:

Анализант: Я ведь не глупый человек, получила кандидатскую степень, очень хочу работать по специальности, но сама, без начальника, репетиторские услуги, например, сажусь делать сайт, чтоб рекламировать свои услуги, а вместо этого делаю сайт для отца по продаже машин. Отец меня об этом даже не просил. Мне нужно делать свой сайт. Я чувствую, что не смогу ждать долго, пока появятся клиенты. Я понимаю, что веду себя глупо, нервничаю, плохо сплю, но каждый раз я как будто себя не контролирую.

Аналитик: Вы - не глупый человек, получили кандидатскую степень, очень хотите работать по специальности - как вы себе объясняли, зачем вы делаете то, о чем вас не просят и не делаете то, чего вы хотите? Если не вы сами себя контролируете – кто контролирует вас?

Анализант: Зачем я так делаю? Я уже думала, я же перфекционист, мне надо, чтоб результат был быстрым, мне кажется, что быстрее появятся клиенты на покупку машин у отца, чем клиенты у меня, то есть, они появятся, но это долго, а мне нужен быстрый результат. А контролировать меня всегда пыталась мать, она просит, даже всякие глупости, которые может сделать сама, но я все бросаю и делаю для нее, за нее. Понимаю, что глупо, но не могу отделаться от чувства долга перед родителями.

Т.о. существуют такие варианты в ситуации символического уравнивания:

1. Чувство «долго» при ожидании результата = чувство долга перед родителями;
2. Контролирующая мать = контролирующий начальник;
3. Недостижимый быстрый результат = перманентное чувство долга перед родителями/матерью/начальником = не контролирующий себя анализант.

В лингвистике смешение инородных семантических областей формирует метафору; метафора, захватывающая в качестве означающего элемента функцию тела, эмоцию, мысль или акт поведения, в соответствии с положениями Ж. Лакана = симптому; метафора как лингвистический троп речи является изнанкой защитного механизма отрицания реальности, т.к. симптом – это способ субъекта привнести в реальность то, чего нет, отрицать отсутствие необходимого. В данном случае были смешаны сущностно разные сферы самореализации анализанта, отрицающего значительную часть сложностей в отношениях с матерью, вследствие чего репарация хорошего внутреннего объекта не происходит, а негативные эффекты хаотизации внутреннего опыта проецируются в сферу профессиональной самореализации и детерминируют нарушения поведения.

Для эмпирического доказательства вышеобозначенных положений мы создали психолингвистическую методику (СМД), выявляющую склонность субъекта пользоваться определенным типом лингвистических тропов в повседневной жизни, содержащую вербальные конструкции, созданные

посредством двадцати лингвистических тропов и их сочетаний, соответствующих двадцати двум механизмам психологической защиты, позволяющую оценить каждый по пятибалльной шкале. Это позволяет диагностировать – автологичность дискурса (узкий спектр металогичности дискурса); средний и широкий спектр металогичности дискурса. Превалирование в выборе какого-либо из типов лингвистических конструкций, соответствующих типу механизма психологической защиты, говорит о склонности субъекта использовать его при восприятии, переработке и реакции на информацию, полученную из окружающей субъекта действительности. Ре-тестовая надежность данного вопросника была проверена с помощью метода ранговой корреляции R Спирмена, а конвергентная и дискриминантная валидность методик определялась на основе корреляций с показателями тестов на акцентуации характера К. Леонгарда - Г. Шмишека и выраженности механизмов психологической защиты Г. Келлермана, Р. Плутчика и Х.Р. Конте. Были выявлены 103 корреляционные зависимости, из них 68 прямых и 35 отрицательных связей. Полученные результаты позволяют говорить о разработанных методиках как о сбалансированном в своих частях, надежном и внутренне согласованном психодиагностическом инструменте.

Далее, в рамках исследования была проведена терапевтическая работа с сотней анализантов, испытывающих психологические проблемы и трудности, а также, имеющих невротические расстройства, которые возможно купировать без применения медикаментозных средств, длительность работы с каждым определялась индивидуально на основании выраженности невротической симптоматики и тяжести нарушения лежащего в ее основе.

Перед проведением этой работы и после нее осуществлялись диагностические срезы, показывавшие степень автологичности либо металогичности дискурса анализанта. Наличие изменения СМД было подтверждено экспериментально при помощи непараметрического критерия Т-Вилкоксона, особенностью которого является то, что он используется для сравнения данных, полученных в результате двух срезов на одной выборке испытуемых. Проверка изменений также была проведена при помощи G критерия знаков. Срез на заключительной сессии показывает увеличение спектра металогичности дискурса анализантов, что отражено на рисунке 3.

Т-критерий Вилкоксона (Выборка №1) при $p < 0,05; 0,01$				
	Valid	T	Z	p-level
До психотерапии & После психотерапии	100	52	8,502977	0,01
G –критерий знаков (Выборка №1) при $p < 0,050$				
	No.	Percent	Z	p-level
До психотерапии & После психотерапии	100	97	9,3	0,01

Рис. 3. Динамика спектра металогичности дискурса анализантов в процессе психотерапии.

Вывод. Заключая вышесказанное, мы можем утверждать, что амплификация металогики дискурса субъекта в психотерапевтическом процессе, поддерживает нормальное символообразование в процессе бессознательного семиозиса, отвечает целям репарации хорошего внутреннего объекта и помогает наладить функционирование защитных механизмов до уровня их задействования в сублимационном процессе.

Учет психосемиотических аспектов процесса репарации хорошего внутреннего объекта в психотерапии позволяет достигнуть более широких целей, чем оказание симптоматической помощи субъекту в состоянии невротического функционирования в более короткие сроки, значительно повышая ее эффективность, а количественный и качественный показатели задействования лингвистических тропов в дискурсе анализанта можно использовать в качестве объективного критерия оценки успешности психодинамических форм психотерапии, что является более широкой целью, чем симптоматическая помощь субъекту в состоянии невротического функционирования.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Риторика – Санкт-Петербург: издательство «Азбука», 2000. – 119 с.
2. Глотова Г.А. Интерсубъективность бессознательного / Г.А. Глотова, Н.С. Минаева. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – 456 с.
3. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. / Пер. с фр. / Перевод А. К. Черноглазова, М. А. Титовой (Значение фаллоса). - М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997. - 184 с.
4. Фенихель О. Ф. Психоаналитическая теория неврозов/ Пер. с англ. вступ. ст. А.Б. Хавина. – М.: Академический Проект, 2004. – 848 с
5. Фрейд З. Малое собрание сочинений / Пер. с нем. Р. Додельцев, О. Медем, Я. М. Коган. – Санкт-Петербург: издательство «Азбука», 2015. – 608 с.
6. Хиншелвуд Р. Словарь кляйнианского психоанализа /Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2007. – 566 с.

УДК: 159. 964. 28

ПРОГРАММА АНАЛИТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Густодымова Вера Сергеевна,

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры
социальной психологии Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского»

E-mail: gystodumova@mail.ru

Аннотация. Представлены особенности применения юнгианского подхода относительно проблемы психологической зависимости. Рассмотрены основные